

Уединение в горах

Когда Е Цинжан открыл дверь и увидел эту картину, он не стал тратить время на лишние расспросы. Первым делом он велел Лао Цзяну занести потерявшего сознание Хуа Ханьчжана в дом и уложить на диван в гостиной. Тот уже глубоко провалился в беспамятство. Лао Цзян вкратце доложил о случившемся.

Хэ Чэншуан окинул гостя беглым взглядом и заметил:

— Похоже на то, что творилось с Лао Цзяном в тот день.

Е Цинжан согласно кивнул:

— Да. Тот факт, что обычный человек пробудил Магию дерева так быстро, говорит о его выдающемся таланте. Хотя, конечно, не обошлось без влияния сегодняшней смертельной опасности.

На теле Хуа Ханьчжана живого места не было — он выглядел гораздо хуже, чем Лао Цзян в своё время. Е Цинжан быстро его осмотрел. К счастью, раны оказались неопасными: в основном глубокие ссадины да порезы. Видимо, нападавшие всё же не собирались забивать его насмерть.

С помощью Эссенции Иму Е Цинжан бережно восстановил энергетические потоки в теле юноши и обработал его раны, после чего обратился к Лао Цзяну:

— Как только жар спадёт и его состояние стабилизируется, всё наладится. Но в себя он придёт лишь через несколько часов. Оставлять его в таком грязном виде негоже...

— Я сам его отмою, как только лихорадка пройдёт, — тут же вызвался Лао Цзян.

Хэ Чэншуан пристально посмотрел на Лао Цзяна, а затем кивнул:

— Тогда мы пойдём наверх. Если что-то пойдёт не так, позовёшь.

Договорив, он увёл Е Цинжана в спальню — делиться драгоценным временем своего возлюбленного с каким-то чужаком он категорически не желал.

Часа через два лихорадка наконец отступила. Лао Цзян без лишних раздумий подхватил парня на руки и отнёс в ванную. Там как раз стояла просторная кадка из кедрового дерева,

выглядевшая просто, но со вкусом. Он бережно опустил Хуа Ханьчжана в тёплую воду. К счастью, Е Цинжан уже затянул его раны, иначе водные процедуры превратились бы в сущую пытку.

Смыв грязь под душем, Лао Цзян принялся тереть его мочалкой, стараясь действовать как можно нежнее — так бережно он ещё никого не мыл. У Хуа Ханьчжана была на удивление светлая кожа, стройное, подтянутое телосложение с аккуратными, не перекачанными мышцами. Парень казался безупречным от макушки до кончиков пальцев. Хотя кое-какой изъян он всё же приметил: мимолётом коснувшись вялого мужского достоинства гостя, он невольно сравнил его со своим собственным. И мысленно констатировал, что тот явно уступает.

У Хуа Ханьчжана были на редкость густые и длинные ресницы, на которых задерживались мелкие капли воды. Под воздействием горячего пара его бледная кожа слегка порозовела. Довольный своей работой, Лао Цзян перенёс чистого гостя в выделенную ему комнату. Он отыскал одну из своих просторных футболок и натянул её на парня. Одежда оказалась велика и надёжно прикрывала бёдра, так что возиться со штанами он не стал. Он плотно завернул юношу в одеяло, словно в кокон, и, обняв этот импровизированный спальный мешок, мгновенно уснул.

Когда Хуа Ханьчжан пришёл в себя, за окном всё ещё царила глухая ночь. Почувствовав, что его крепко сжимают чьи-то объятия, он попытался высвободиться и резко вскинул голову, тут же врезавшись во что-то твёрдое. Лао Цзян, получив ощутимый удар в подбородок, сонно захлопал глазами.

Поняв, что лежит в обнимку со своим вчерашним спасителем, Хуа Ханьчжан мгновенно растерял остатки сна. Лао Цзян с самым невозмутимым видом потёр глаза, нехотя разжал руки и спросил:

— Ну как ты? Очухался?

Хуа Ханьчжан прислушался к собственным ощущениям. Память услужливо подкинула воспоминания о том, в каком плачевном состоянии он находился накануне. Однако сейчас его тело так и дышало чистотой и свежестью. Если не считать сосущей пустоты в желудке, чувствовал он себя на удивление бодрым. Но самым поразительным было то, что все его раны, от мелких царапин до глубоких ссадин, бесследно затянулись!

Хуа Ханьчжан успел повидать в жизни всякое. Он прекрасно знал цену своей внешности и статуса, как и то, какое магнетическое влияние оказывает на людей обоего пола. Мужчина перед ним вчера расправлялся с врагами так непринуждённо, словно обедал, и явно не отличался кротким нравом. И всё же он не воспользовался беспомощностью гостя.

Неловко кашлянув, Хуа Ханьчжан спросил:

— Это ты меня... отмыл?

Лао Цзян простодушно кивнул:

— Ну да. Ты такой чумазый был, на кровать не положишь.

Вспомнив невыносимую вонь, которая исходила от него вчера, Хуа Ханьчжан поморщился и согласился:

— Тут ты прав. Спасибо. Но всё же... что произошло с моим телом?

— Не переживай, А-Хуа, — принялся объяснять Лао Цзян. — Со мной тоже такое было. Это мир меняется и перестраивает наши тела. Зато потом у нас появятся Магия дерева и Магия молнии!

Все эти премудрости Лао Цзян слышал от Е Цинжана. Но тот изъяснялся слишком заумно, и он мало что понял, сумев запомнить лишь общую суть. Сейчас он немного досадовал на себя: поленился в своё время расспросить подробнее, а теперь приходится мямлить что-то невнятное.

У Хуа Ханьчжана нервно дёрнулось веко. И хотя в словах Лао Цзяна крылась крайне важная информация, он не выдержал:

— А-Хуа? погоди, это ты меня так назвал?

— Ну да, — ответил Лао Цзян с обезоруживающей прямоотой. — Моя фамилия Цзян, вот меня так и зовут. Леопард у нас чёрный, мы кличем его Да Хэй. А у тебя фамилия Хуа — значит, будешь А-Хуа. Логично же?

Хуа Ханьчжан невольно усмехнулся.

— Господин Цзян, мне кажется...

— Никакой я не господин, — упрямо перебил его тот. — Зови просто Лао Цзян.

Выговорить это панибратское обращение у изысканного молодого господина язык не поворачивался. Да и собеседник выглядел ненамного старше его самого.

— И всё же, как твоё полное имя? И сколько тебе лет?

— Да нет у меня другого имени, только фамилия. А босс Хэ говорит, что мне вроде как двадцать девять.

Хуа Ханьчжан запутался окончательно.

— А кто такой этот босс Хэ?

«Кто такой босс Хэ?» — Лао Цзян впервые в жизни слышал подобный вопрос. В Тэнчуне любой, с кем им приходилось иметь дело, при одном упоминании безжалостного Хэ Чэншуана бледнел и напускал на себя предельную почтительность, что бы ни думал на самом деле. Такой наивный вопрос поставил Лао Цзяна в тупик. Он нахмурился и буркнул:

— Босс Хэ — это босс Хэ!

Заметив, что Лао Цзян отвечает абсолютно искренне, Хуа Ханьчжан, привыкший читать людей как открытую книгу, мгновенно всё понял. Этот парень, обладающий чудовищной силой, судя по всему, был немного обделён умом. Однако никакого презрения Хуа Ханьчжан не почувствовал. Напротив, за долгие годы интриг в высшем обществе он смертельно устал от скользких «умников».

Припомнив клубок змей в собственном семействе, Хуа Ханьчжан мягко, обезоруживающе улыбнулся:

— Что ж, договорились, буду звать тебя Лао Цзяном. Но и ты забудь про «А-Хуа». Зови меня Ханьчжан. На обороте той нефритовой подвески, что я тебе отдал, выгравированы именно эти иероглифы. Это моё имя.

Лао Цзян машинально коснулся груди. Перед сном он действительно повесил нефритовую подвеску себе на шею.

Проследив за его жестом, Хуа Ханьчжан понял, где теперь находится семейная реликвия, и на душе у него заскребли кошки. Его дед был признанным мастером резьбы по нефриту, а мать происходила из весьма уважаемой семьи, но совершила глупость, связав жизнь с его отцом.

Все вокруг клеймили его мать расчётливой охотницей за богатством. Те грязные сплетни едва не свели в могилу его строгого, консервативного деда. И всё же старик безумно любил внука. Он лично выбрал лучший кусок нефрита, собственноручно вырезал эту подвеску и подарил её Ханьчжану на трёхлетие. Тот не снимал её больше двадцати лет.

Видя, что Лао Цзян бережно носит её на груди, Хуа Ханьчжан почувствовал слабое утешение — по крайней мере, реликвию не забросили в пыльный угол. Но поскольку он сам отдал её в качестве платы, требовать её назад прямо сейчас было бы верхом неприличия.

Поэтому он лишь мягко спросил:

— Рассмотрел узор на подвеске?

Лао Цзян вытащил подвеску из-под футболки, бережно погладил пальцами прохладный камень и кивнул:

— Да, рассмотрел. — Немного подумав, он добавил: — Очень красивая штука.

Понимая, что от этого простого парня не дождёшься тонких искусствоведческих изысканий, Хуа Ханьчжан негромко рассмеялся:

— Этот сюжет называется «Уединение в горах». Раньше я видел в нём лишь красивую безделушку и совсем не понимал, какую глубокую надежду вложил в эту работу мой дедушка...

С этими словами он помрачнел.

Лао Цзян пропустил лирику мимо ушей, ухватившись за то, что показалось ему важным:

— Значит, это подарок от близкого человека?

— Да, — вымученно улыбнулся Хуа Ханьчжан. — Двадцать лет с ней не расставался. Она действительно мне очень дорога, и я бы хотел выкупить её обратно. Поехали со мной в Пекин? Там я найду для тебя куда более ценную вещь взамен этой. К тому же я обещал: за моё спасение ты получишь всё, что пожелаешь. Я держу своё слово.

Услышав о возврате, Лао Цзян насупился, поспешно спрятал подвеску обратно под ткань и упрямо мотнул головой:

— Не буду меняться. Босс Хэ и Е Цинжан тоже собираются в Пекин, так что поедешь с нами.

Хуа Ханьчжан лишь мысленно усмехнулся его упрямству.

«Он просто ещё не видел настоящих сокровищ, вот и держится за то, что имеет. В Пекине я предложу ему такое богатство, перед которым никто не устоит. В конце концов, у каждого своя цена».

Хуа Ханьчжан рассуждал в рамках тех циничных правил, к которым привык с детства. Он и подумать не мог, что Лао Цзян устроен совершенно иначе — он не был одним из этих «умников» и, если уж принимал решение, шёл до конца.

— Ты упомянул какого-то босса Хэ и Е Цинжана. Они твои друзья?

— Босс Хэ — мой командир, я с ним уже четырнадцать лет. А Е Цинжан... он мой учитель. Он всегда хвалит меня, когда я хорошо учусь.

Из этих путаных объяснений Хуа Ханьчжан мало что прояснил для себя, но всё же вежливо спросил:

— Что ж, раз нам по пути на север, это судьба. Могу я познакомиться с ними?

— Сейчас ещё слишком рано, не надо будить босса Хэ. А Е Цинжан оставил на кухне еду. Сказал, ты проснёшься голодным. Есть хочешь?

Спасаясь бегством, Хуа Ханьчжан не держал во рту и маковой росинки больше суток. К тому же внезапное пробуждение способностей отняло колоссальное количество энергии, так что он давно перешагнул тот порог, когда чувство голода притупляется. Парень согласно кивнул, и Лао Цзян повёл его на кухню.

Хуа Ханьчжан уплетал всё ещё тёплые, изысканно приготовленные блюда, и его уважение к таинственному Е Цинжану росло с каждым съеденным кусочком.

«Этот Е Цинжан, судя по всему, человек тонкого ума и невероятной заботливости. И раны мои вылечил тоже он. А что касается загадочного босса Хэ... Если уж он сумел подчинить себе такого грозного воина, как Лао Цзян, его собственная сила должна быть поистине пугающей. И то, что Е Цинжан находится рядом с ним на равных, доказывает: я сильно недооценил этих людей».

После сытного завтрака они передохнули ещё пару часов. Когда первые лучи рассвета окрасили восток в нежно-розовые тона, со второго этажа бок о бок спустились Хэ Чэншуан и Е Цинжан.

Стоило Хуа Ханьчжану взглянуть на них, как он мгновенно всё вспомнил. Да ведь это же они! Те самые люди, что заходили через VIP-проход в зону безопасности сразу за ним! Просто тогда рядом с ними не было огромного чёрного леопарда, а Лао Цзян держался чуть поодаль, в тени, из-за чего Хуа Ханьчжан и не признал их сразу.

Е Цинжан внимательно оглядел поднявшегося им навстречу Хуа Ханьчжана. Без своих роскошных брендовых шмоток, в несуразно огромной футболке Лао Цзяна, тот растерял изрядную долю спеси, свойственной молодым господам. Тем не менее в его глазах светился живой ум, держался он с завидным достоинством, а пережитая смертельная опасность ничуть не сломила его дух. Он совершенно не походил на того пустого, изнеженного мажора и прожигателя жизни, каким егоставляли жёлтые газетёнки.

Е Цинжан подошёл ближе, и все четверо расположились в гостиной.

— Судя по твоему виду, худшее уже позади, — мягко произнёс Е Цинжан.

— Огромное вам спасибо, — искренне поблагодарил Хуа Ханьчжан, а затем, посерьёзнев, добавил: — На самом деле, я бы хотел спросить вас, господин Е... Что вообще стряслось прошлой ночью? И что это за странная сила во мне пробудилась?

<http://bllate.org/book/19006/1960968>